

НОВЫЙ
исторический
РОМАН

Владислав КЛЕВАКИН

**ВРЕМЯ
ПЕТРА**

Москва

Глава 1

РЕГЕНТША

На Москве раздался глухой тревожный набат колоколов Успенского собора. Толпа, сгрудившаяся у красных кирпичных стен Кремлевских башен, сиротливо охала и крестилась.

— Царь умер! — пронес над ней ветер обрывки слов патриарха Иокима.

Меж ног толпы просунулась плешивая голова юродивого, не то со стоном, не то с яростным криком:

— Царь православный умер, а царевич Петр с еретиками латинскими дружбу водит. Латинские обычаи привечает. Антихрист он.

Стрелец, едва сдерживающий толпу, покосился на юродивого и загнутым носком кожаного сапога ударил его по изможденному, грязному лицу:

— Ты чего несешь, сучий сын. Царскую особу хаишь?

Юродивый завопил от боли и уткнулся головой в талый, с черными проплешинами апрельский снег. Из его головы, с небрежно торчащими клочьями волос, в грязную жижу тянулись тонкие струйки алой крови. Бабы тотчас протянули к служивому руки, стремясь ухватить его за уши, щеки и губы, словно лебеди-шипуны.

— Ты пошто святого человека избидел, ирод? — злобно заорали мужики, обступившие стрельца.

— Креста на тебе нет, злодей! — понеслось со всех сторон из толпы.

Стрелец испуганно шарахнулся. Толпа наступала на него, стремясь ухватить руками, сгрести и, кинув себе под ноги, затоптать, как полудохлую амбарную мышь.

— Ну, назад все, псы! — к стрельцу тотчас на помощь подскочили еще несколько служивых. — Над царевичем потешаться посмели, смерды?

Стрельцы принялись оттеснять разномастную толпу к покатым избам Посадской Ямской слободы.

— Дави их, братцы, — разносилось тревожным криком среди стрелецкого строя.

Стрельцы выдавливали посадских людишек с площади своей широкой грудью и черенками бердышей. Из Спасской башни по мосту к Лобному месту спустился дородный боярин в соболиной шубе и бобровой шапке.

Развернув широкую грамоту, он обвел кривым взглядом площадь и прочел первую строку:

— «Государь наш, Федор Алексеич, почил волею Господа и нарек наследниками царства своего царевича Петра Алексеича, от матери его Натальи Нарышкиной, и царевича Ивана Алексеича, от матери его царевны Марии Милославской. На то будет воля царская и сие завещание».

Народ сиротливо охнул и замолчал.

Боярин сплюнул на снег кровавый сгусток и продолжил:

— А кто сие завещание не примет, тот волею Государей Московских будет обезглавлен. Соправителем же сих государей державы нашей, ввиду их малых лет, Господь дал в соизволение царевну нашу Софью Алексеевну Милославскую, то бишь сестру их. На том целуйте крест и идите с Богом!

Но взбудораженная толпа посадских людей уже не желала расходиться. В сторону строя стрельцов полетели проклятья и комья смерзшейся земли.

— Ироды! — вновь голосили бабы.

— Каина дети, — вторили им мужики в изношенных зипунах.

Народное волнение распалось все больше и больше, и уже никто не обращал внимания на затихшее, окровавленное тело юродивого, лежащее на почерневшем от копоти снегу. У одноглазого мужичка с жидкой бородкой в заиндеветших от холода руках блеснуло каленое лезвие ножа. Он прильнул к рыжей толстой бабе в разноцветном платке и тут же отпрянул от нее, пытаясь скрыться в толпе.

— Убили. Убили, царица небесная, — заверещали бабы в толпе.

Одноглазого мужичка тут же поймали за рукав изодранного кафтана и, кинув на снег, принялись зверски топтать

ногами. Стрельцы бросились к месту драки, пытаясь прорезать толпу и вытащить убийцу на площадь.

Дородный боярин развернулся к стрелецкому старшине и мерзко хмыкнул:

— Утихомирь тут всех. Я во дворец пойду, цареву завещание исполнять. Вся Дума, почитай, в сборе, а я тут на мужицкие склоки смотрю.

Старшина кивнул:

— Будет сделано, боярин!

Он махнул кому-то рукой, и из ворот вышел еще один стрелецкий полк. Стрельцы в зеленых кафтанах с пищалями наперевес сделали первый шаг в сторону беснующейся толпы.

— С плеча снять! — зычно выкрикнул стрелецкий старшина. — Без команды с патроном заряжай!

Стрельцы вскинули ружья и высыпали в замок порох.

— Первый выстрел в воздух! — командовал длинноусый старшина.

— Первый выстрел в воздух, — эхом пронеслось по строю.

Толпа испуганно шарахнулась назад.

— Пли. Пли.

Глухой раскат выстрела десятков пищалей словно весенняя гроза пронесся над Лобным местом, сорвав с колокольни Ивана Великого десятки ворон и галок. Выстрел был настолько силен, что заставил испуганно вздрогнуть родовитых бояр в Думской палате, а придворный писарь невольно опрокинул чернильницу на лист царского указа в Посольском приказе. Толпа бросилась наутек, оставив в тающей весенней жиже юродивого и окровавленное тело одноглазого мужичка, что еще недавно так ловко орудовал в толпе острым ножом, срезая у посадского люда кошельки с пояса. Толпа быстро расеялась.

Казацкий старшина довольно крикнул:

— Так-то лучше, а то гляди, чего чернь удумала, бунт учинять. Сенька?! — звонко выкрикнул он.

Перед старшиной тотчас возник один из стрельцов. На вид ему было примерно лет двадцать. Рыжий волнистый клок волос пробивался сквозь стрелецкую шапку, небрежно натянутую на голову.

Вытянувшись по стойке смирно насколько ему позволял его маленький рост, рыжий стрелец бодро выпалил:

— Слушаю, господин урядник.

Старшина покачал головой и плюнул на подтаявший апрельский снег.

— Убери этих двоих, — он указал на тела, лежащие на площади, и, отвернувшись, добавил: — И кровушку тут поскребите.

Повернувшись в сторону Ивана Великого, стрелецкий старшина истово перекрестился. Крики галок и ворон стихли, и на стены Кремля опустилась пелена холодного безмолвия.

— Ох, чует мое сердце, Сеня, немало еще здесь люду православного поляжет, — с досадой заметил старшина рядовому.

— На все Божья воля! — равнодушно заметил молодой стрелец. Он так же равнодушно пнул ногой тело мертвого юродивого и устоялся куда-то вдаль.

— Ну, ты иди уже исполняй, — старшина ласково хлопнул стрельца по плечу. — А как выполнишь, доложи. Я пока в казармы наведуясь.

Старшина развернулся и широким шагом зашагал в сторону ворот Кремля.

Толпа тем временем рассыпалась по узким улочкам многочисленных слободок Москвы. Стеленные кривыми деревянными досками тротуары, меж рядов посадских изб и каменных палатей бояр, не выдерживали такого количества бегущего народа, и люди падали в непролазную весеннюю грязь улиц.

В Думской палате было тихо. Бояре в высоких шапках и пестрых кафтанах с меховыми воротниками испуганно переглядывались между собой.

— Ну, чего же ждать нам теперь? — скривился боярин Василий Голицын.

— Так сейчас царевна Софья нам все и поведает, — усмехнулся думный дьяк Шакловитый. — Али ты куда спешишь, батюшка?

Голицын тяжело вздохнул:

— Куды мне теперь спешить-то, Федор Леонтич?

— Ну, так и потерпи немного, чай не пахоту сеять.

Голицын склонился на остальных бояр. В глазах Нарышкиных читался страх. Причина его была видна издалека. Место, на котором стоял трон московских государей, сейчас было пусто. Стоило ли ему думать об обезглавленной России?

Нет государя — нет и трона. Вместо него стояла маленькая резная табуретка, которую принес из покоев дворца кто-то из слуг.

— Не бывало ранее такого! — осторожно шептались меж собой бояре.

— Что удумали Мирославские?

Князь Василий Голицын ликовал:

— Нарышкиным конец. Вернут имения и вотчины, отнятые прежним царем Федором Алексеевичем. Но патриарх Иоаким еще в силе и не отдаст Нарышкиных за спасибо живешь. Патриарха нужно переизбрать. А кандидаты-то есть?

Голицын скривил лицо. У входа в Думскую палату послышался шум.

Из дверей появился бирюч и грубым, но зычным голосом прокричал:

— Царевна Софья Алексеевна Романова, соправительница Государей Московских.

Софья прошла в Думу и присела на табурет, что стоял вместо трона. Расправив полы платья, она посмотрела на собравшихся в Думе бояр. Царевна сразу догадалась, о чем шепчутся эти дородные, обрюзгшие от изобилия придворных яств, тучные детины с посохами в руках и высокими меховыми шапками.

— Здраве будьте, князья-бояре! — спокойно произнесла царевна.

Бояре встали и поклонились:

— И ты будь здрава, матушка царевна.

— Знаю причину кручины вашей, — продолжила она и указала на сдвоенный трон московских государей, одиноко стоящий в стороне. — Отныне править буду сама! — твердо произнесла она. — А что трона нет, бояре, так государство наше вроде как в войне, в неустойстве своем. А коли так, то где ж вы видели, князья-бояре, чтобы царь с собой на войну трон брал. На табурете сидит, по-походному. А будет устройство в державе нашей — и трон будет, — Софья улыбнулась. — Верно, Федор Леонтич? — царевна пристально и с прищуром посмотрела на Шакловитого. Было в ее взгляде нечто такое, отчего по спине думного дьяка пробежали не то кошки, не то тараканы.

— Все верно, матушка, — согласно закивал Шакловитый.

— Принцесса Софья весьма остроумна, — подметил иноземный посол шепотом. — Ловко она поставила на место этих зазнавшихся снобов бояр.

— Но ведь царевичи пока на троне, — оборвал его посланник английского короля.

— Сейчас узнаем, милорд, — усмехнулся немецкий посол. — Во всяком случае, наши задачи в Московии не меняются, кто бы из сих особ сей трон ни занял. Однако!

— Однако будет весьма прелюбопытно, — посланник английской короны лукаво ухмыльнулся.

Софья вновь взяла слово:

— Хочу объявить вам волю свою!

Бояре тут же насторожились, и вокруг воцарилась тишина. Все с нетерпением ожидали решение Софьи.

— Федор Леонтич, неси указ!

Царевна подняла руку. Думный дьяк Шакловитый, шаркая по ковру каблуками сафьяновых сапог, устремился к царевне со свитком в руках.

— Сама зачту, — пояснила царевна, протягивая ладонь к свитку указа.

Шакловитый спрятался за ее фигуру.

— С соизволения Господа нашего, беру в руки свои управление державой нашей единоначально. Регентом и помощником в сем деле будет назначен наш первый человек, князь Василий Василич Голицын.

Дума охнула. Бояре нервно заерзали на скамье. У многих из них были с Голицыным споры и тяжбы.

— В продолжение... — царица обвела Думу тяжелым взглядом. Хотя по ее голосу было видно, что ей и самой сейчас стало тяжело. — В продолжение, царевич Петр Алексеевич с матерью своей, бывшей царицей Натальей Нарышкиной, удаляется со двора в село Преображенское, для их же здоровья и безопасности.

Софья свернула свиток.

Патриарх Иоаким в углу от наглости такой закрипел зубами. Но стрельцы были грозной силой. Игнорировать их требования — значит обречь себя на постриг и ссылку в дальнюю обитель. Патриарх скривился и промолчал.

— Федор Леонтич, — произнесла царевна, — выйди на крыльцо, скажи стрельецким полкам, что воля их исполнена.

Шакловитый засеменил к выходу. Он чуть было не споткнулся о порог, но вовремя подпернул полы кафтана, отороченные соболем, и выскочил на каменное крыльцо.

Во дворе у Думской палаты собралось более двух тысяч царских стрельцов. Лица стрельцов были напряжены. Они ждали этого момента, потому и собрались на царском дворе. Сабли и пищали в их руках находились не для смотра или парада. Стрельцы пришли изъявить свою волю и надеялись услышать ответ власти на свои требования. Шакловитый поморщился. Он еще помнил, какой грозной силой могут быть эти воины в красных кафтанах с пищалями наперевес.

— Стрельцы! — громко закричал Шакловитый.

Толпа стихла, открыв рты.

— В честь своего воцарения царевна Софья Алексеевна жалует каждому из вас по десяти рублей денег. Жалует вас званием придворной стражи. Ну и харчи, соответственно.

Стрельцы одобрительно гудели. Из их строя вырвался низкорослый толстяк и заорал:

— Слава царевне! Слава!

Стрельцы вздернули руки с оружием вверх:

— Слава царевне Софье!

Бояре в Думе испуганно съезжились. Царевна пришла к власти на стрелецких штыках. Что она еще может удумать? Софья улыбнулась. Этот крик был ей милее всего сердцу.

А с опальным царевичем Петром и Нарышкиными будет время решить. Сейчас главное упрочить свое регентство над государством. Слабоумный братец Иван Алексеевич преградой не будет, он все же Милославский. А раз так, то и опираться она может на всех Милославских. Ну и что, что баба, зато своя. А Нарышкиным быстро бороды повывергивают.

Царевна вышла из Думы, оставив бояра наедине со своими мыслями и страхами. Сейчас все складывалось как нельзя лучше. Думный боярин Артамон Матвеев и князь Михаил Долгорукий были мертвы. Нарышкины уже скорее мертвы, чем живы. Царевич Петр уедет в село Преображенское. Теперь ничего не мешает устроить личную жизнь. Царевна вспомнила, как еще в девичестве при царствовании своего брата Федора Алексеевича они с сестрами тайком бежали смотреть театральные представления. Как это было загадочно и в то же время волшебю. И только маленькое оконце

в стене отделяло ее от этих сильных и красивых шутов, ба лагуров и актеров. Этим античным героев, что спасали кра сивых женщин от лап чудовищ. Эта жуткая медуза Горгона и Одиссей. Герой Геракл, сын Зевса и простой смертной жен щины. Это пугало и очаровывало одновременно. Но теперь все в прошлом. Она царица этой огромной державы, а детские страхи остались позади. Ей больше не нужно ходить в одино честве под каменными сводами Коломенского дворца, выгля дывать в окна и с замиранием сердца рассуждать, что где-то там есть другая жизнь.

Другая судьба, совершенно не похожая на жизнь ее се стриц, запертых в полутемных комнатах дворца, где един ственными подружками были служанки. Она еще молода и красива, стало быть, быстро найдет свое место в истории. Софья улыбнулась сама себе в зеркальце и спокойно поло жила его на столик.

— Царевна, — раздался тихий голос из приоткрытой дв ери. Она узнала его. Милый сердцу друг. Теперь она может не опасаться перетолков посадской толпы. Князь Василий Васи лич достойный претендент на руку и сердце русской царевны. Не государь, но разве кто из латинских государей достоин ее руки? Нищие, презренные и малоземельные холопы. Ее дер жавя могла вместить десятки таких государств.

— Проходи, князь, — тихо произнесла она.

Голицын вошел в покои царевны и, склонившись у ног ве личественной Софьи, робко поцеловал ее руку.

— Исполнены ли мои указы, князь? — спросила она.

— Ваше величество! — с восторгом произнес Голицын. — Все выполнено. Царевич Петр и его мать Наталья Нарыш киная в Преображенском. Я оставил несколько своих людей с наблюдением.

Софья кивнула.

— Устал ли ты, Василь Василич? — нежно, с придыхани ем спросила она.

— Разве можно устать на службе у Ее величества, — ото звался Голицын, с нежностью и нескрываемой страстью рас целовывая руки Софьи.

— Ну, пока еще рано называть меня величеством, князь.

— Ничего не рано, моя царственная принцесса. — Голи цын рванулся вперед и обнял царевну.

Софья была обескуражена его напором, но сдалась. Она лишь прошептала:

— Князь, еще не все закончено.

Но его уже было не остановить.

Утро пришло в Москву ярким апрельским солнцем. Уже не слышно во дворе боя барабанов шального Петруши. Не слышно и криков полоумного брата Ивана. Она словно попала в другой мир. Где все ее, и даже эти косматые облака, нависшие над маковками Ивана Великого.

Ее города, ее слободки и монастыри, больше не нужно прятаться, скрывая лицо под тяжелым балдахином, как ее сестрицам. Она — полновластная царица.

Софья умылась и дала знак служанкам:

— Собирайтесь, едем к молебну в Троице-Сергиеву лавру.

Служанки забежали по покоям, доставая из сундуков наряды царицы.

На пороге появился дьяк Шакловитый:

— Далече ли, матушка, собралась?

— В Троицу, боярин, — бросила Софья. — Хочу помолиться в избавление от грехов.

Шакловитый усмехнулся:

— Так много ли их, матушка, так, с наперсточек.

— С наперсточек, но мои! — резко отрезала царица.

Карета с царицей покатила по талому снегу. Шакловитый перекрестился:

— Ну, дай-то Бог.

Глава 2

ПОСАДСКАЯ СЛОБОДА

За широким столом из грубо тесанных досок сидело пятеро собеседников. На столе стояла глиняная миска, наполненная квашеной капустой с клюквой. Одноглазый косматый мужик в рваном кафтане разливал штоф водки по грязным стаканам. Он опрокинул стакан в горло, тяжело крякнул и поднял кверху палец:

— Раскол — это вам не просто борьба веры нашей, а устремление души христианской супротив еретиков.

Хозяин трактира беспомощно развел руками:

— Кто их знает, как этих раскольников от порядочных людей отличить?

Одноглазый мужик назвался Сапыгой.

— Я давно по Руси скитаюсь, — продолжил Сапыга. — И верно говорю вам, что придет Спаситель и всех слуг антихристовых покарает.

Зеваки, собравшиеся вокруг него, раскрыли рты от изумления.

— Чего же не покарал до сих пор? — возразил ему молоденький, словно не оперившийся щегол, паренек. — Сколь ждатель-то еще?

Мужик по имени Гаврила, будучи старшим по возрасту среди собеседников, отвесил молодому парню подзатыльник:

— Наливай, пей да слушай, чего святые люди говорят.

Парень схватился за горлышко бутылки.

— Поставь на место, — удержал его рукой сидящий справа мужик. — Грешно горькую пить, — добавил он.

— А коли грешно, зачем наливаете тогда, — обиженно фыркнул парень. — И чего тогда этот проповедник пьет, — парень, словно дикий зверек, зыркнул на Сапыгу своими черными глазищами.

— Так я и не праведник вовсе, — в ответ посмотрел на него Сапыга. — Далеко мне до учителей наших. А про горькую это верно сказано, грех, но апостолы наши тоже не сразу праведниками стали. Через великие муки прошли. И взошли в Божье Царствие на кораблях огненных.

— Что-то я не пойму, мужик, — буркнул парень. — Попы никонианские про Царствие Божье вещают, и ты туда же. И какое из них самое праведное?

Сапыга замолчал и склонился к тарелке.

— А по мне, так царствие это для всех одно, — продолжил парень. — Ранее двумя перстами крестились, сейчас тремя. Что изменилось-то на небесах? Али Богородица другая стала?

Мужик, сидящий сбоку от парня, отвесил ему новый, не менее звонкий и болезненный подзатыльник:

— Больно умен, как поглядим. Сказано же: раскол!

Парень тихо нагнулся под стол и вынул из складок сапога нож. Резкий удар острым лезвием опрокинул мужика на пол. Молодчик соскочил со скамейки и, испуганно озираясь, закричал:

— Ну что, бражники, кто смелый, подходи!

Сапыга медленно вышел из-за стола:

— Слышишь, паря, не глупи! Мы тебя впервые видим, за стол пригласили по христианскому доброму обычаю, а ты аки зверь с ножом кидаешься.

— А какого он лешего дерется? — паренек ткнул пальцем на стонущего от боли мужика.

— А я погляжу, гордый ты, не в пример остальным.

— Какой есть! — юноша обтер нож с деревянной рукоятью о скатерть и засунул обратно в сапог.

За дверями послышался шум. В трактир влетел какой-то мужик с истошным криком:

— Стрельцы идут.

Половой испуганно перекрестился и полез под стол.

В трактир вломились стрельцы и загородили выход из трактира со словами:

— Кто вы такие, откуда будете?

Молодой парень стал потихоньку пятиться к печи.

Мужик, которого только что порезали, перестал стонать и только тихо сопел. Стрельцы подошли к нему и открыли рану.

— Совсем плох! — произнес один из них. — До утра не дотянет.

— Кто его так?

Мужики в трактире расступились, образовав проход к печи, у которой сидел паренек, обхватив голову окровавленными руками.

— Взять его! — крикнул стрелецкий старшина. — На дознание. А вы кто такие, откуда будете, зачем прибыли? — он сгреб огромной ручищей со стола остатки трапезы, оставив только штоф.

Налив в стакан водку, он залпом опрокинул его. Затем стрелецкий старшина достал из сумки лист бумаги и перо, прокашлявшись, произнес:

— Подходи по одному и сказывайте. Только не врите мне, иначе шкуру спущу.

Парня скрутили, для острастки врезали пару раз по зубам, чтобы не вырывался, и вывели из трактира. У дверей уже стояли сани, запряженные гнедой кобылой. Грива кобылы была нечесана и не ухожена, так как взяли ее в соседнем дворе, как и сани.